

Дорога пам'яті довжиною в роки

Родина Зелікманів живе в Ізраїлі, в місті Натанья на середземноморському узбережжі в 30 км від Тель-Авіва.

Переїхали вони на «землю обітовану» з Москви на початку 1990 років, коли Радянським Союзом прокотилася парад суверенітетів та впала «залізна завіса» із західним світом. Кордони перетинати стало простіше, тому родина вирішила перебраться на історичну батьківщину.

Початок історії

В Ізраїлі у Марка народилися дочка Шира та син Гіль. Їм змалку розповідали історію роду: чим займалися предки, яких успіхів досягли, за якими законами заповідали жити. Особливо шанобливо ставилися в єврейській родині до пам'яті пращурів, котрі загинули на війні.

Якось глава родини знайшов у інтернеті пам'ятник воїнам, котрі загинули в 1943 році при визволенні Великої Загорівки Борзнянського (тоді Бахмацького) району. Серед 11 імен, викарбованих на граніті, було й прізвище його діда, молодшого сержанта Марка Абрамовича Колоднера.

«Для нас це село стало частиною родинної історії. Довгі роки мої бабуса й мама берегли «похоронку», але ніколи не знали про існування самого поховання. Дякуємо всім, хто дбає про чистоту й порядок на могилі», — написав Марк Зелікман у 2014 році на форумі одного з інтернет-сайтів, де була розміщена фотографія.

Побачивши знімок пам'ятника, Любов Марківна Зелікман, донька Марка Колоднера, дуже розхвилювалася. Здавалося,

вона б у ту ж мить покинула всі справи і полетіла на Україну, аби вклонитися пам'яті батька. Але поважний вік не дозволяє жінці користуватися повітряним транспортом. І її материнським наказом стало прохання до сина та онука відвідати Велику Загорівку й віддати данину пам'яті предку, що поклав голову на фронті.

Довгих три роки Марк не міг знайти вільну хвилину в своєму щільному графіку. І ось нарешті, зв'язавшись із редакцією «Вістей Борзнянщини», минулого тижня чоловік зміг приїхати на Борзнянщину.

Натанья – Київ – Велика Загорівка

Звістка про те, що приїде нащадок загиблого воїна, швидко поширилася селом і біля обеліска стояло чимало людей, котрі хотіли подивитися на гостя з далекого зарубіжжя.

«Це нас так зустрічають? — поцікавився ізраїльський гість, коли з вікна легкового побачив дівчаток у національних костюмах, які тримали хліб-сіль. — Думаю, це було зайве...». Але ми з директором школи Анатолієм Федорченком довели Маркові, що не кожного дня приїжджають родичі на могилу солдатів Другої Світової війни і його візит чергове свідчення, що для пам'яті та дружби між людьми та країнами не існує перепон у часі.

Марк Зелікман не приховував сліз, коли підходив зі своїм сином до священного місця, що покласти квіти і запалити поминальну свічку.

«Здрастуй, дідусю. Ось ми й прийшли до тебе...», — шепотів чоловік.

Ми залишили гостей наодинці, аби вони могли спокійно помолитися за упокій душі загиблого дідуся.

Бібліотекарі Світлана Солдат і Катерина Балицька провели гостей у сільську бібліотеку, де ознайомили з краєзнавчими матеріалами, що стосуються періоду вій-

ни. Марк Зелікман передав у краєзнавчу колекцію фотографію свого діда, копію «похоронки», а також зачитав лист матері до всіх великозагорівців:

«Мене звати Любов Марківна. Я дочка

солдата Марка Абрамовича Колоднера, який загинув у роки війни. Батько був добрим, веселим трудівником, завжди приходив на допомогу людям. Так мені розповідали ті, хто його добре знав.

Коли почалася війна, мені було 7 років. Перша моя згадка про той час — вій сирени під час бомбардування Москви. Батько мене схопив і відніс у бомбосховище. Згодом вийшло розпорядження вивести дітей із Москви. Нас батько провів на вокзал, посадив у товарний вагон. Потяг рушив. Батька ми бачили востаннє. Я дуже плакала і не могла зрозуміти, як житиму без нього. У 1943 році ми повернулися в Москву з евакуації. Мама дуже хвилювалася: від тата довго не було листів. Я її заспокоювала: «приїдемо додому, нас обов'язково чекатиме лист». Справді, у поштової скриньці лежав лист із «похоронкою»...

Сьогодні у мене хвилюючий день. Мій син із онуком їдуть на землю, де він похований. Вони їдуть поклонитися могилі і сказати «спасибі» добрим людям, які поставили пам'ятник.

Дякую всім, що пам'ятаєте тих, хто віддав життя за те, щоб ми жили в мирі. Бажаю всім жителям села міцного здоров'я та благополуччя».

Наостанок Марк та Гіль Зелікмани покладали квіти до обеліску великозагорівцям, що не повернулися з фронтів, пам'ятних знаків воїнам АТО, а також відвідали місцеву школу, де залишили запис у книзі почесних гостей.

Андрій ДОНЧЕНКО,
«Вісті Борзнянщини»

Грегори Аймаро-Пармут: «Мои корни – в Прилуках»

27-летний Грегори Аймаро-Пармут из Чикаго (США) в июне на три недели приехал в Чернигов. Как волонтер международного проекта «Go Camp 2017», он занимался английским с учениками вертеевской школы (Нежинский район), а также проводил собственное историческое исследование.

Грегори учится на историческом факультете Университета Индианы и изучает последствия немецкой оккупации в Украине, в частности в Прилуцком районе.

С американцем мы встретились в школе, когда он проводил занятия со школьниками.

— Привет, я Гриша, — широко улыбаясь, представился он на украинском. — Я занимаюсь историей, моя тема — «Черниговская область во время немецкой оккупации». Особенно мне интересна Прилучина, ведь мои корни — в Прилуках, откуда родом мой прадед. Я семь лет изучал русский язык. И уже три года изучаю украинский. В Америке не так много университетов, в которых есть курс украинского. Поэтому специально выбрал Университет Индианы. Мне очень повезло — моя преподавательница украинского родом из... Ични. А ведь это совсем недалеко от Прилук!

— Расскажите о своих прилуцких корнях.

— В начале XX века мой прадед и его брат эмигрировали из Прилук в Америку. Они были евреями. Остальная часть семьи осталась в Прилуках. Об их дальнейшей судьбе знаю мало: во время войны многие члены семьи погибли, удалось отыскать только одного брата прадеда, который воевал в рядах Красной армии и во время обороны Киева получил тяжелое ранение. На лечение его отправили в Баку (Азербайджан), там он встретил девушку из Украины и женился на ней. Я разыскал их потомков — они живут в Москве, страшные «ватники». После войны в Украине наши отношения изменились, стараемся вообще не говорить о политике.

— Как сложилась жизнь Вашего прадеда в США?

— Прадед в Америке был обычным фермером, у него была нехорошая жизнь, он был беден. Но его дети стали успешными. А вот брат прадеда, наоборот, стал очень известным врачом в Чикаго. Он поселился в украинском районе и бесплатно лечил бедных иммигрантов. В местную газету подавал объявления, что «врач Пармут в определенные часы приема оказывает бесплатную помощь иммигрантам». Это были люди из Украины, Польши и Австро-Венгрии (те, кто знал украинский язык, чтобы врач мог найти общий язык с пациентами. — Авт.).

Грегори (второй справа) с учениками и учителями вертеевской школы

Сам Грегори украинский знает очень хорошо, хотя и говорит с заметным акцентом. Утверждает, что он для него гораздо проще, чем русский. Однако, разговаривая, иногда переходит на английский.

— Когда у Вас возникло желание побывать в Прилуках?

— В нашей семье никогда не забывали о своих корнях, поэтому даже не вспомню конкретного момента. Я приезжал в Прилуки уже четыре раза. Каждый раз узнаю здесь что-то новое. Также мечтаю побывать в Корюков-

ке и Глухове. Мне очень нравятся все украинские города и села, в которых я побывал. Особенно невероятны для меня Чернигов и Нежин. Таких красивых храмов я не видел, пожалуй, нигде. Их можно сравнить с архитектурой Ватикана, но православная архитектура мне нравится больше католической.

— Какую веру Вы исповедуете?

— Это сложный вопрос. Прадед из Прилук был атеистом. В Америке он женился на еврейке родом из Винницы, которая была очень религиозной. Знаю, что прадеда это раздражало. Моя мать выросла в еврейской семье, но они не исповедовали иудаизм, а больше склонялись к баптизму. Что касается моего отца, то он итальянец и католического вероисповедания. Себя считаю христианином (показывает нательный крестик. — Авт.), но я не слишком религиозный человек. Хотя очень хочу побывать на православном богослужении в ближайшее время.

— Что Вам больше всего нравится в Украине? Возможно, чего-то будет не хватать дома?

— Еды! Я просто в восторге от вкуснейших украинских блюд! В Америке очень не хватает этой свежести, натуральности, там люди вообще оторваны от природы.

— Какие наши блюда стали Вашими любимыми?

— Однозначно это голубцы, а еще в США не найдешь березового сока. Обожаю борщ, блинчики, вареники с вишнями... Дома мама иногда готовит украинские блюда (эти рецепты передаются в нашей семье из поколения в поколение), а вообще, их очень трудно найти, разве что в специальных ресторанах. Надеюсь, что на Черниговщине я побываю еще не раз. В следующем году планирую снова приехать в Вертеевку, и хотя моей целью были Прилуки, я полюбил жизнь в маленьком селе на Нежинщине.

Наталья Федосенко,
«ГАРТ»

О культуре и национальностях

Одни из самых лучших, самых приятных воспоминаний человека из его детства – это воспоминания о школе и, особенно, о своих одноклассниках. Именно поэтому, несмотря ни на какие трудности и проблемы (здоровье, расстояния и т.п.), даже через десятки лет после окончания школы собираются из разных городов и даже стран одноклассники на свои почти ежегодные встречи.

В декабре прошлого 2016 года после трудового дня зашёл я в супермаркет «Сельпо». Было уже где-то около 9 вечера, в магазине – считанные покупатели. Подошёл к прилавку с фруктами. Вижу – прямо напротив меня выбирает апельсины мой бывший одноклассник, сегодня известный в городе человек, директор галереи «Пласт-Арт», заслуженный деятель искусств Украины Борис Степанович Дедов. Я обрадовался неожиданной встрече и окликнул его: «Боря, привет!». Он поднял глаза, как-то странно посмотрел на меня, что-то буркнул, развернулся, оставил свои апельсины и быстро начал уходить. Я ничего не мог понять: всегда такой весёлый и общительный Боря Дедов, а тут... Я уж и не знал, что и подумать: может, я Борю чем-то ненароком обидел, а может, какие-то личные у человека проблемы...

Секрет такого странного поведения Бориса Степановича открылся буквально на следующий день и был для меня как ушат холодной воды. И эту статью я пишу в значительной степени для своих одноклассников (дорогих наших учителей с нами, к сожалению, остались уже единицы). Поэтому постараюсь не затягивать, а больше – по сути.

5 октября 2016 года Департамент культуры, туризма, национальностей и религий Черниговской ОГА объявил конкурс на замещение должности директора КП «Черниговской областной художественный музей имени Г. Галагана» Черниговского областного совета. Далее на сайте Департамента сообщалось, что формирование конкурсной комиссии будет продолжаться в течение 30 дней со дня объявления конкурса и что «Департамент просит общественные организации в сфере культуры соответствующего функционального направления подать по три кандидатуры, из которых затем Департамент путем жеребьевки определит трех кандидатов в состав Конкурсной комиссии».

Черниговская городская еврейская община, основанная в 1989 году как Черниговский еврейский культурный центр, и является, по мнению её правления, именно такой общественной организацией «в сфере культуры». А что касается «соответствующего направления», то община почти за 30 лет своей деятельности организовала и провела в городе десятки художественных и фото выставок, а также прикладных жанровых выставок – как, например, выставку «Синагоги и храмы» члена Национального союза художников Украины, заслуженного художника Украины, киевлянина Иосифа Осташинского. Автор необычного творческого жанра – архитектура в миниатюре – представил объёмные барельефные картины, изготовленные из... спичек. А первую из выставок мы организовали ещё в начале далёких 1990-х в фойе кинотеатра «Дружба», а потом были выставки в Арт-клубе, Областном художественном музее имени Г. Галагана и мн. др. местах. Так что как патриоты родного города, небезразличные к состоянию культурного пространства Чернигова, члены правления общины решили откликнуться на призыв Департамента культуры, туризма, национальностей и религий и подать три кандидатуры для участия в Конкурсной комиссии. Состоялась, как и положено по положению о Конкурсной комиссии, жеребьевка. Меня, как говорится, сей жребий минул. А на заседании Конкурсной комиссии в декабре были приглашены члены правления нашей общины: директор Благотворительного еврейского фонда «Хасде Эстер» Ирина Липкина и начальник социального отдела хэсэда Елена Сорокина. Вела заседание Конкурсной комиссии заместитель председателя ОГА по гуманитарным вопросам Наталья Романова. Однако что-то не сложилось: видимо, столкнулись чьи-то интересы, и получился большой скандал. В результате заседание было признано недействительным. Решено было провести повторное заседание Конкурсной комиссии. На следующий день Ирина Ильинична пришла на работу всё ещё в ужасе от происшедшего накануне на заседании Комиссии: «Семён, больше я в таком безобразии участия не принимаю». А потом она положила передо мной два письма. Прочитав их, я понял, почему накануне вечером мой одноклассник Борис Дедов, столкнувшись со мной, повёл себя таким странным образом.

Первое письмо от 23 ноября было отпечатано на бланке Черниговской городской общественной организации «Пласт-Арт» и адресовано зам. главы ОГА Н.А. Романовой. В нём его автор, председатель правления «Пласт-Арт» Борис Дедов, в ультимативной форме от имени «творческой общественности города» и ссылаясь

на непонятное мне «нарушение закона и демократических принципов», требовал исключить из конкурсной комиссии кандидата исторических наук, профессора А.Б. Коваленко. Но это письмо я оставляю без комментариев. Значительно интереснее второе письмо. Оно адресовано также Н.А. Романовой, отпечатано уже не на бланке организации и, самое главное, никем не подписано, а называется так: «Думка мистецької інтелігенції та творчої молоді нашого міста, щодо призначення нового директора Чернігівського обласного художнього музею ім. Г. Галагана». И сразу же без вступления: «Ми вважаємо, що Ральченко Ірина Григорівна в подальшому не може очолювати цю посаду». Дальше идут претензии, которые трудно назвать справедливыми, а правильнее сказать – предвзятые. А теперь, читатель, – внимание: «Замість того, щоб пропагувати музейну колекцію, проводить реставраційні роботи, наукові дослідження, директор музею пішла в найлегшому напрямку проведення безкінечних, нікому не потрібних мікро виставок... При чому перевага, чомусь, завжди надається представникам одної національності, не українцям. Україна – багатонаціональна держава, ми поважаємо культуру всіх народів. Але відокремлювати і надавати перевагу одній

все эти годы. Интересовал ли нас тогда национальный вопрос? Не буду лукавить: наверное, да. Практика в советском обществе в национальном вопросе часто расходилась с декларациями. Например, в классных журналах на последней странице был список всех учеников класса с обязательным указанием их национальности. Естественно появлялись вопросы к родителям. К концу 1980-х, во времена перестройки, эта тема вышла уже на страницы газет и журналов, а потом – пошло-поехало. И всё же, чем вызвана такая сегодняшняя национальная нетерпимость у человека, который в юности никогда эту тему не поднимал и у которого еврейями была чуть ли не половина одноклассников и, наверное, большая часть учителей? Сегодня мне приятно вспомнить имена и фамилии наших дорогих учителей: Полина Марковна Серебрянная, учитель истории и наш классный руководитель, Майя Михайловна Гескина (учитель физкультуры), Тамара Ефимовна Наринская (учитель химии), Лилия Ароновна Аронович (учитель английского), Софья Мироновна Зарахович (учитель биологии)... И учителя они были отменные, это видно по профессиональным успехам выпускников нашего класса.

Теперь, как я и обещал, – серия вторая.

Очередное заседание Конкурсной комиссии состоялось через восемь месяцев, 24 июля 2017 года. На заседании председатель Комиссии Н.А. Романова неожиданно достала размноженное на ксероксе письмо, адресованное уже не ей, а директору Департамента культуры и туризма, национальностей и религий Черниговской ОГА А.В. Левченко, датированное 7 июля 2017 г., и раздала его присутствующим.

Член комиссии директор Черниговского областного исторического музея им. В.В. Тарновского Сергей Лаевский сразу заявил, что такой шаг перед голосованием недопустим и является неприкрытым давлением на членов Комиссии. Однако председатель Комиссии была непреклонна. В результате Сергей Лазаревич потребовал, чтобы в протокол заседания занесли его особое мнение. Вообще, для сомневающегося сообщу, что видео этого заседания доступно и в интернете. Прочитав этот документ, у многих членов Комиссии глаза полезли на лоб.

Письмо снова «Від імені широкого кола громадськості (но, як і в прошлых письмах, не узана на одну фамилию и ни одна организация), що займається культурницькою діяльністю».

В письме автора волнует, почему так долго разворачиваются события вокруг назначения на должность директора ОХМ им. Г. Галагана и почему настоящий директор И.Г. Ральченко до сих пор не подаёт заявление на увольнение с этой должности, возмущается политикой Конкурсной комиссии, а дальше идут сплетни из серии «Якось баба казала». Но основные претензии автора письма мне хочется привести полностью.

«...Дивує склад громадських організацій учасників конкурсу. При чому тут різноманітні общини, вузьконаціональні громадські об'єднання, коли мова йдеться про український художній музей». «Чому особисто моя думка і всього колективу музею сучасного мистецтва не враховується і нас навіть не запрошують в роботу комісії (это неправда – С.Б.), як якихось представників національних меншин, які там правлять бал як у себе вдома». «Перше завдання художнього музею – зберігати, реставрувати та експонувати шедеври української культури, а не вшанувати якісь мікро виставки сумнівної якості з певним національним уклоном... Поки що, слава Богу, це український художній музей, а не якоїсь там меншини». Ну, и в конце – подпись, теперь уже автор письма не скрывает своего имени: «Голова правління ЧМЖО «Пласт-Арт», Заслужений діяч мистецтв України, художник Борис Дедов».

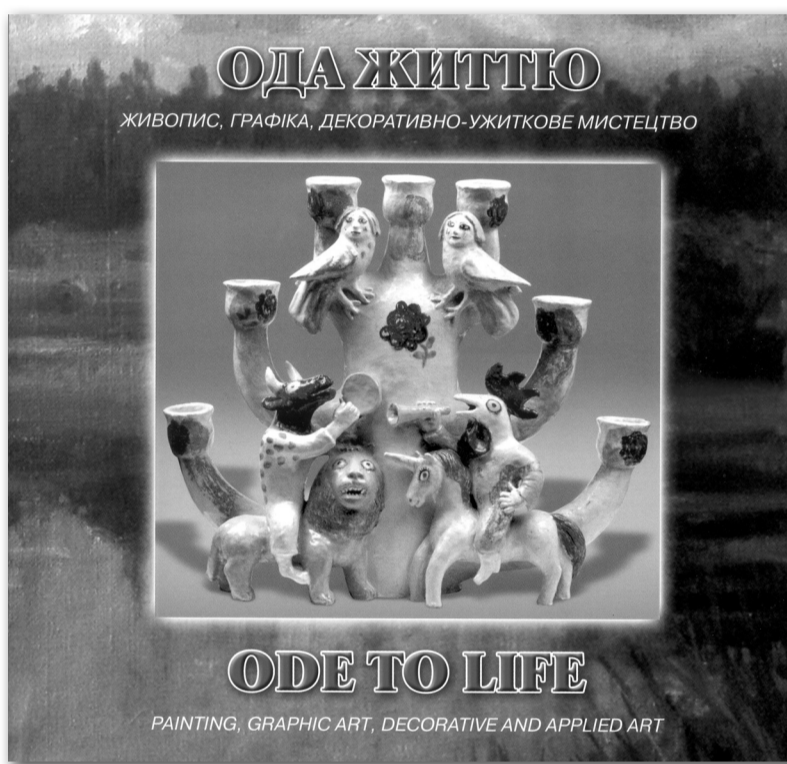
Комментарии, как говорится, излишни...

В результате состоявшегося голосования Комиссия выбрала (или определила) нового (наверное, удобного Б.С. Дедову) директора Музея.

Но эта тёмная (если не употребить более крепкое слово) история вокруг светлого дела украинской культуры в нашем родном городе на этом не закончилась.

Прошёл ещё месяц.

22 августа 2017 года в областном центре состоялась очередная сессия Областного совета, которая... не признала результаты Конкурса и оставила на прежней должности директора музея И.Г. Ральченко. Я не знаю, почему решения Конкурсной комиссии утверждает сессия Облсовета. Может быть, потому, что по статусу Черниговский областной художественный музей имени Г. Галагана является коммунальным предприятием Черниговского областного совета. Но, как я понимаю, борьба заинтересованных сторон ещё далеко не окончена. Хотя это уж точно не мои проблемы...

конкретній нації в українському музеї – край небезпечна політика».

Вот так – «край небезпечна політика». Ну, а о какой национальности автор пишет – нетрудно догадаться, поскольку ни немецкая, ни азербайджанская, ни польская, ни ромская общины до такой «наглости», чтобы проводить выставки в украинском музее, не доходили... Повторюсь, что хотя письмо никем и не подписано (автор понимает, что делает гадость, да и страшновато...), но для меня, как человека пишущего, нет сомнения в авторстве (обороты речи, риторика и т.п.) – Борис Дедов. Кроме того, оба письма набраны одинаково неряшливо, с рваными неправильными пробелами, да и распечатаны явно на одном и том же принтере. Тут и особой-то экспертизы не нужно...

Конечно, я хотел ответить «товарищу» сразу. Но меня удержал предстоящий второй тур выборов. Нет, еврейская община больше не собиралась выдвигать своих кандидатов в состав Конкурсной комиссии, хватит с нас. Тут, как говорится, – не навреди... И я стал ждать. Было интересно, чем окончится эта история с выборами директора музея. Однако Боря Дедов этого не знал, и, как читатель увидит дальше, он серьёзно (целых восемь месяцев!) готовился к решающему бою, и ему, видимо, не давали покоя мысли о каком-то мифическом заговоре «не украинців»...

И прежде чем мы перейдём к рассказу о второй серии этой трагикомедии (я имею в виду – перевыборам), я хотел бы, безуспешно пытаюсь понять, откуда взялась такая нетерпимость у моего одноклассника, сказать несколько слов о нашем с Борисом счастливым школьном детстве и отрочестве.

Поступили мы с Борей Дедовым в 1-й «А» класс тогда ещё новой средней школы № 20 в 1964-х году. Став постарше, мы, одноклассники, часто собирались в квартире Бори Дедова. Слушали магнитофон, обсуждали прочитанные книги и какие-то свои, насущные, тревожащие нас вопросы, спорили... Ну, всё было, в общем, как у любой нормальной молодёжи... Борис уже тогда увлекался рисованием. Потом он служил в армии, потом окончил Харьковский художественно-промышленный институт, вернулся в Чернигов... Мы активно общались

Однако, учитывая вышеизложенное, у меня были вполне законные вопросы к заместителю главы ОГА по гуманитарным вопросам Н.А. Романовой и директору Департамента культуры и туризма, национальностей и религий Черниговской ОГА А.В. Левочко, которые по своему статусу (во как звучит – департамент НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ) должны стоять на страже прав национальных меньшинств, на страже межнационального мира и согласия в стране. Вообще-то как председатель еврейской общины, имея на руках вышеприведённые письма, я должен в такой ситуации кричать и звонить во все колокола... И я уже начал писать эту статью. Но прежде чем её закончить, я решил всё же задать вопросы лично Н.А. Романовой и А.В. Левочко. Тем более что был более чем удачный повод.

24 августа. День Независимости Украины. В этот праздничный день в Чернигове вот уже второй десяток лет проходит Фестиваль национальных культур «Поліське Коло». В этот день традиционно организовываются так называемые национальные подворья, в которых национальные общины представляют свои культурные и другие достижения. Обязательной церемонией праздника стало и посещение этих подворий руководством города и области. И в этот раз нас посетили и Н.А. Романова, и А.В. Левочко... Но всё же праздник – и сразу неприятные вопросы... Поэтому я схитрил. Когда гости подошли к еврейскому подворью и мы обменялись поздравлениями, приличествующими этому дню, я взял со стола, на котором в изобилии были представлены печатные издания еврейской общины, красочный каталог «Ода життю: живопис, графіка, декоративно-ужиткове мистецтво» и, обращаясь к заместителю губернатора, сказал: «А этот каталог я хочу подарить Вам, Наталья Андреевна». И добавил, что это каталог выставки произведений из фондов Художественного музея, которая явилась совместным проектом музея и еврейской общины. (Для читателей сообщу, что наш БЕФ «Хасде Эстер» оплатил издание этого довольно дорогого каталога и купил десятки метров багета для того, чтобы картины, лежавшие долгие годы в запасниках Музея в рулонах, увидели свет).

Мой неожиданный намёк был понят. И теперь уже можно было задавать вопросы. Кроме всего, я прямо заявил, что напишу об этой неприглядной истории. Вначале Н.А. сказала: «Вас ввели в заблуждение». Потом,

что в этих письмах не было слова «евреи». Ну что ж, тем хуже. Значит, речь шла о национальных меньшинствах вообще. Потом я услышал о том, что раз письмо поступило, то его необходимо было донести до Комиссии. Да, оно поступило и обращено не к Комиссии, а к директору Департамента. Тогда А.В. Левочко заявил, что, мол, он Дедову ответил. Не верю. Если ответил, то почему ответ, так же как и письмо, не был представлен членам Комиссии? Или почему не было озвучено отношение начальника Департамента к этому, явно ксенофобскому, тексту? Я далёк от мысли, что мои визиты солидаризуются с автором этих недостойных писем, но считаю, что как государственные чиновники высокого ранга, они такими своими действиями не просто идут вразрез с государственной политикой Украины в национальном вопросе, но и нарушают Конституцию страны.

И ещё. Наверное, вопросы культуры, туризма, национальностей и религий объединены в одном Департаменте не случайно. Разве культура – не самое лучшее, самое мирное и плодотворное поле сотрудничества представителей разных национальностей и вероисповеданий, дающее им возможность чувствовать себя не «якимись там меншинами», а гражданами одной страны, членами одной территориальной громады, делающими общее важное и нужное дело? И разве это сотрудничество в сфере культуры и его результаты – интересные новые проекты – не формируют в глазах всего мира образ Украины как страны демократической и открытой, а Чернигов – как города с насыщенной и разнообразной культурной жизнью, привлекательного для туризма и комфортного для жизни?

Что же касается запроса Бориса Дедова (я имею в виду вот это: «Перше завдання художнього музею – зберігати, реставрувати та експонувати шедеври української культури, а не вшанувати якісь мікро виставки сумнівної якості з певним національним уклоном...»), я бы хотел напомнить Александру Владимировичу Левочко и о том, как возникали такие немилые его корреспонденту выставки...

Осенью прошлого года отмечалась скорбная дата – 75-я годовщина массовых убийств немецкими оккупантами еврейского населения Киева в Бабыем Яру. На государственном уровне был принят ряд постановлений, которые касались проведения мемориальных мероприятий, посвящённых этой трагической дате в городах Ук-

раины. Власти области резонно решили, что нужно уже выходить за рамки традиционных «круглых столов». Не знаю, кому пришла в голову такая необдуманная идея, но из Департамента культуры и туризма, национальностей и религий директору Художественного музея пришло официальное распоряжение: организовать и открыть в музее выставку, посвящённую теме Бабыего Яра. Что делать? В фондах музея ничего, отображающего эту тему, нет. Но система приказов и их исполнения у нас, как и в приснопамятные времена Советской власти, к сожалению, совершенно не изменилась... Где искать материал? И музейщики, естественно, обратились в еврейскую общину. Понятно – музею необходимо помочь. Буквально за три дня до открытия выставки я нанял микроавтобус за деньги нашего Благотворительного еврейского фонда «Хасде Эстер», поехал в Киев и из фондов Всеукраинского еврейского совета привёз в Чернигов полтора десятка картин Народного художника Украины, участника Второй мировой войны Исаака Тартаковского (1912-2002). Так что, Александр Владимирович, объясните Борису Степановичу, что эта выставка – на Вашей совести. Сообщите ему также, что прошедшая в апреле 2017 года в рамках ежегодного Городского Фестиваля еврейской культуры выставка «Арон Ржезников. Живопись и графика» хоть и «спровоцирована» его одноклассником Семёном Бельманом, но полностью состояла из произведений художника Арона Ржезникова, хранящихся в фондах Областного художественного музея им. Г. Галагана. Сообщите ему (если он, конечно, не знает), что Арон Ржезников – наш земляк, уроженец Чернигова, был учеником Николая Тарловского (преподаватель Черниговского реального училища) и великого Роберта Фалька, раскрывших его природный талант; что входил он в известную в 1930-е годы «Группу пяти», ярко проявил себя как незаурядный портретист, пейзажист, автор натюрмортов и жанровых зарисовок – и что погиб в 1943 году в боях за родную Украину...

Вот такие дела, господа товарищи...

А в остальном... всё хорошо, всё хо-ро-шо.

Семён БЕЛЬМАН,
председатель правления Черниговской
областной еврейской общины,
заслуженный работник культуры Украины

Средняя школа № 3

*Когда б еврей умел порхать,
фонтан пустив, уйти под воду
или в саду благоухать –
любезен был бы он народу.*
Игорь Губерман

Чернигов, 1951 год. Начало учебного года в 4-ом классе Черниговской СШ №3 запомнилось мне переключкой. Учительница вызывала ученика по фамилии. А он должен был встать и назвать имя, отчество и... национальность!

В этой удивительной переключке смущали меня две вещи:

1. Я не знал своего отчества! Почему? Может быть, потому, что детей обычно называют по имени. Может быть, и потому, что рос без отца и его полное имя дома не звучало. Впрочем, возможно, папино имя и произносили, но моё внимание на нём не акцентировали. Конечно, я мог узнать отчество у мамы, но мне почему-то это и в голову не приходило!

2. Ко времени переключки я уже, конечно, знал, кто я, и хорошо знал, что евреи – презируемая нация. Чувствовал себя поэтому отверженным и не хотел во всеуслышание признаваться в том, что еврей. Тема эта уж очень была для меня болезненной.

Болезненной, не болезненной... Хотелось мне об этом говорить или нет, меня не спросили, и переключки избежать не удалось! А выглядела она примерно так.

Звучит: «Белозёров». Встаёт Белозёров и громко, с чувством собственного достоинства, во всеуслышание называет своё имя с отчеством и добавляет: «Русский». Далее: «Билюба». Билюба встаёт, громко и уверенно называет своё имя с отчеством и добавляет: «Украинец». Далее: «Бичурин». Встаёт Юра Бичурин и произносит:

«Юрий», далее – отчество и «украинец».

Обречённо и тоскливо жду своей очереди. Наконец, слышу: «Вольфовский». Встаю, тихо говорю: «Борис. Отчества не знаю» и еле слышно сознаюсь: «Еврей»... Затем, после публичной экзекуции, униженный и оплывающий (не могу поднять глаза!), сажусь.

После уроков учительница ведёт меня в учительскую. Приоткрыла дверь, втокнула меня в комнату и... осталась за дверью. В комнате столы, составленные буквой «Т». Возле переключки «Т», в профиль стоит завуч, а за другим столом, лицом ко мне, сидит директор. Смотрит на меня и спрашивает участливо:

– Ты Вольфовский?

– Да.

– Боря?

– Да.

– Ты не знаешь своего отчества? – спрашивает удивлённо.

– Не знаю, – отвечаю растеряно.

– А где папа?

– Погиб на войне.

– Ну..., а как мама папу называла?

Напрягаюсь, пытаюсь вспомнить то, чего не знаю..., теряюсь и говорю: «Не знаю».

И тут на помощь директору приходит завуч:

– Но мама же папу дома как-то называла?

Я снова напрягаюсь, цепляюсь за слово «дома» и... вдруг в голове всплывает имя – уменьшительно-ласкательное имя отца, звучащее в исполнении мамы. Это имя, произносимое маминим голосом, я дома слышал, но не знал, чьё оно. Воспроизвожу его поэтому неуверенно и полувопросительно: «Ноня?». Завуч с директором пробуют на звук «Ноньевич?»... и недоумённо переглядываются. Повторяют: «Ноня?»... и ничего путного им в голову не приходит! Наконец сдаются, и директор говорит:

– Ладно, спроси у мамы, какое у тебя отчество.

Дома рассказываю всё маме, и, когда произношу «Ноня», «Ноньевич», она смеётся, расплывается в счастливой улыбке и называет мне полное имя отца – Наум. И поясняет: «Твоё отчество Наумович. Ты – Борис Наумович».

«Наумович», – вслушиваюсь я в своё отчество и измеряю его на себя, как новое платье!

Представьте. Был Борей, просто Борей, а стал Борисом Наумовичем! Обогатился отчеством! И оно у меня

неожиданное и непривычное! Ни у кого такого не слышал. «Иванович» – слышал, «Николаевич», «Павлович» – слышал, а вот Наумович?!... Не слышал! Но... с того дня запомнил!

А вообще... Давайте подумаем... Очень хорошо, когда рядом с твоим именем появляется отчество. Ведь в отчестве твой отец, его имя – и ты уже не один! Вас двое! И он – старший и сильный рядом с тобой, поддерживает тебя, и ты становишься сильнее!

А твоего отца поддерживает его отец и... весь Ваш род! Твой род! Род поддерживает и отца и тебя, и ты можешь на род опереться!

Плохо, когда ты «один как перст», или когда «без роду, без племени». И хорошо, когда за тобой – твой род! Но твой род накладывает на тебя и ответственность! Ведь за род, за его доброе имя отвечает ныне живущий представитель рода, т.е. Ты! По тебе, твоим поступкам и поведению судят о роде! Не посрами же свой род, свою фамилию... и свой народ!

И ещё! Хорошо, если бы наряду с отчеством было бы ещё и «матчество»! Материнский род! Мою маму звали Двейра («пчела»), и если бы меня укрепить ещё и именем матери, то получилось бы Борис Наумович-Двейрович.

Нормально, когда человек гордится своей национальной принадлежностью к одному из народов, живущих на Земле. Именно эта гордость позволила моим одноклассникам чувствовать себя уверенно во время переключки. И именно этой гордости и уверенности в себе мне на той же переключке не хватило для того, чтобы чётко и громко сказать: «Я еврей!»

Где же была моя гордость? А откуда ей было взяться, если за несколько лет до этого мой народ в моих глазах оклеветали и унизили! Вытоптали всё на корню! И в душу плюнули! Как это было? А так...

Лет до 6-7 я не знал, что люди делятся по национальному признаку. Я этого не знал, но среди пацанов, с которыми я проводил время, знающие были. Они-то и решили меня просветить, а заодно и унизить! И сделали это!

Стоим мы, пацаны, возле нашего двора, беседуем, и всезнайка рассказывает о неведомых «евреях = жидках». О том, какие они хитрые, коварные, порочные и противные. И выглядят чёрти-как, и говорят карчаво, и едят «кугачку», да ещё и имена у них неблагозвучные! Рассказывает взхлёб и со вкусом, и...

Окончание на стр. 4

ему внимают! Я тоже слушаю с

Перекличка

Окончание.
Начало на стр. 3

живейшим интересом! Как губка впитываю и проникаю неприязню к евреям!

И вдруг рассказчик смотрит почему-то на меня и со смешком мне (?) предлагает: «Придешь домой, скажи: жиды Христа распяли!» Я по малости лет смысла им сказанного не понял, и подвоха в его словах не почувствовал. Стою, соображаю. А он на меня смотрит и заинтересовано спрашивает: «Скажешь?» Смотрю; а глаза у него блестят, и улыбка фальшиво-доброжелательная: «Скажешь?» С такой улыбкой, понимаю я сегодня, делают гадости! Сегодня я бы ту улыбку распознал, а тогда, в детстве, не смог; и пообещал: «Скажу».

Вечером, после гулянки, возвращаюсь домой, уверенный в том, что нашей семьи услышанное во дворе уж точно не касается. Захожу в квартиру; в кухню, а потом в комнату, вижу благожелательные, расположенные ко мне лица и... как попка-дурак добросовестно воспроизвожу то, что услышал! Проговорил эти слова и жду реакции. Какой? Одобрительной, конечно! Мысль о том, что мои слова могут кому-то не понравиться и в голову не приходит!

Жду! И... тут, к моему немалому удивлению и замешательству, лица домашних неожиданно, на глазах становятся серьезными. И ни звука! Все почему-то молчат. Несколько секунд молчат! А потом, кажется, тётя Феня, ни к кому конкретно не обращаясь, говорит вполголоса: «Это он на улице услышал».

После её слов я понял, что сказал какую-то явную чушь или гадость. Смотрю на маму, на тётю и... вижу расстроенные(!) лица. Не знаю, что сказать, и... теряюсь! Смотрю на всех, все – на меня, и, наконец, проявляется ожидаемая мною реакция. Реагирует снова тётя Феня. Просвещает меня и вправляет мне мозги. Рассказывает то, чего я совсем не готов был услышать:

– Мы евреи. И твоя мама еврейка, и папа еврей. И ты еврей. Мы ВСЕ евреи! Ты это должен знать! От кого ты услышал эти слова?

Я... столбенею! В замешательстве! Бормочу что-то невразумительное! Кошмар! Реагирую на неожиданно свалившееся еврейство шоком, горечью, досадой и чувством безысходности: «Мы евреи?! Я еврей?! И евреем буду всю жизнь?!»

Тут в разговор вступает мама. Говорит: «Не гуляй с ними больше!», – и ориентирует: «Гуляй с этим мальчиком. Он хороший. А с тем... они здесь и при немцах жили!»

«Не гуляй с ними!?» А что мне ещё могли сказать?! «Не гуляй».

«Не гуляй!?» Ха! Хорошенькое дело! Но как «не гуляй», если живём в одном дворе? Что же мне, во двор не выходить?

И я, конечно же, гулял! И среди нас был и Тот, который меня опустил. Указал мне моё место. Он нормальный, а я – из отверженного еврейского племени, – помечен «чёрной меткой!»

Ничего в наших детских играх после просвещения меня в части национальной принадлежности не изменилось. В играх и прочем времяпрепровождении мы были по-прежнему равны, ибо, когда гуляли, забывали обо всём. Вот только когда рассказывали глумливые, ранящие меня анекдоты о евреях, и смеялись, откровенно плюя мне в душу, трудно было сохранять равнодушное выражение лица!

После того, как мне разъяснили, КТО Я, в моём сознании свершилась метаморфоза: моё высокомерие и презрение к евреям сменилось чувством досады и ощущением моей неполноценности и ущербности!

А дальше пошла в моей голове умственная работа. Я должен был осмыслить и осознать своё новое неожиданное положение. До меня оно должно было дойти. И дошло! Сегодня я могу те грустные, нелёгкие детские размышления разложить по полочкам. Таким.

1. Был равным, а стал человеком 2-го сорта; отверженным!

2. Я, только что вступивший в жизнь, оказывается, уже виноват(!) в том, что еврей и живу в еврейской семье?! Я виноват в том, что мой народ еврей?! Я должен своего еврейства стыдиться? Я должен за него расплачиваться?

3. Но разве услышанные во дворе гнусности о моей

еврейской семье – правда? Разве у меня плохие мама, тётя, бабушка с бабушкой? Разве я их должен презирать? Следует ли мне их чураться? Следует ли их стыдиться?

4. Нет! Конечно же, нет. Они же все хорошие, родные, ближайшие мне люди. Они мне дороги! Да, бывает, что они мне делают замечания... Бывает, что и наказывают! Но ведь это всё по делу.

5. А семьи двоюродных Изи и Веры? Или семья Софы? А другие, известные мне, еврейские семьи? Они ведь все нормальные, хорошие, порядочные люди! Могли ли я их предать?! Нет, не могу!

6. И как же теперь я должен себя вести? Исходя из реальности. А она такова, что мы, евреи, отверженные; принадлежим к несправедливо презираемому меньшинству, и никуда от этого не деться!

7. Отсюда позиция. В незнакомом обществе выпячиваться, т.е. без надобности сообщать, что еврей, не стоит. Аплодисментов точно не дождешься. После моего признания отношение ко мне изменится – и точно не в лучшую сторону. Надо ли это мне? Нет, не надо!

8. Быть отверженным тяжело, но с реальностью придётся считаться. И терпеть придётся. Надо терпеть. Других вариантов нет! А ещё держаться и сохранять чувство собственного достоинства!

9. На мой народ клеветают. И я это знаю. И это знание и есть для меня главное! Пусть клеветники исходят пеной и злобой, главное – это моя уверенность в правоте!

Сталкивался ли я с антисемитизмом? В школе нет. А так – приходилось. Слышал от тех, кто меня не знал, гадости о евреях. Были и оскорбления. В пионерском лагере, например, сверстник из Нежина назвал меня жидёнком. До сих пор помню его имя и насмехающуюся рожу! Что было делать? Драться? Но драться я не умел, а, если бы и умел, – не полез бы; не представляю себя дерущимся. В драке, как известно, важна поддержка зрителей, и я не уверен, что поддержка была бы на моей стороне!

Вот так, или примерно так, я рассуждал и жил в те годы. Не выпячиваясь!

Но «не выпячиваясь», т.е. скрывать свою национальность – это же комплексовать! И на перекличке в 4-ом классе я именно комплексовал. И этот комплекс, связанный с якобы неполноценностью моего народа, эту линию поведения мне навязали; меня к ней вынудили!

Случай со мной – это обычный бытовой, передаваемый по наследству антисемитизм – от антисемитов родителей к антисемитам детям. Нового здесь ничего нет.

Но кроме бытового в Советском Союзе имел место и негласный государственный антисемитизм, вылившийся, например, в разгром Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) и в так называемое «дело врачей».

Можно ли бороться с бытовым антисемитизмом, если существует государственный? Нет, ибо бытовой антисемитизм усиливается, усугубляется и поощряется государством!

Государственный антисемитизм – это вообще страшное дело! Ну, представьте себе, что может противопоставить гражданин государству, объявившему своих граждан (евреев) вне закона; объявившему их негражданами? НИЧЕГО! В фашистской Германии государственный антисемитизм был официальным, а в Советском Союзе – негласным.

Меня мой комплекс, разумеется, тяготил, и нужно было от него избавляться. Но как? Поскольку комплекс возник из-за навязанной мне лживой информации о евреях, то для его преодоления нужна была другая – неискажённая, достоверная и разносторонняя информация!

Вначале об искажениях. Ещё в детстве я понял, что рассказы антисемитов о злых, коварных, хитрых и аморальных евреях – ложь! Среди считавших себя евреями я таких не встречал.

Но этих знаний было недостаточно. Нужна была ещё и информация о конкретных известных людях (деятелях науки, культуры, искусства...), их добрых делах и их вкладе в развитие цивилизации. Что ещё может быть значимее?

И эти знания пришли ко мне с образованием и с самообразованием. Я стал читать, смотреть и слушать и понял, что мне есть кем и чем гордиться!

С радостью и гордостью узнал, что в очень многих сферах деятельности евреи отнюдь не аутсайдеры, а за-

нимают или передовые позиции или находятся на уровне!

Ещё одно большое место. В детстве меня с издёвкой кололи глумливой и подлой частушкой о евреях: «Мы смело в бой пойдём / и Мы за Вами / и как один умрём / Мы не туда попали!» Антисемиты ввали, что евреи трусливы и в ВОВ прятались за спины других. Ответить мне было нечего, и это загоняло меня в угол и вгоняло в краску!

С какой же радостью и гордостью я узнал, что по количеству Героев Советского Союза евреи на 5-ом месте; после русских, украинцев, белорусов и татар. По последним данным 153 еврея удостоились звания Героя Советского Союза!

Узнал, что много евреев служило на высших командных должностях во всех родах войск. И понятно, что в действующей армии на высшие должности просто так, за здорово живёшь, не назначали!

Узнал, что много евреев возглавляло военную промышленность или работало главными конструкторами боевой техники и вооружений... И снова понятно, что на эти ответственные должности назначали, в интересах дела(!), лучших из лучших!

Всё это и многое другое в пух и в прах разбивало бабни антисемитов и было для меня как бальзам на душу. И всё это меня лечило, восстанавливало и превратило из «гадкого утенка», которым я был в детстве, в нормально-го, самостоятельного человека!

И когда мне приятель однажды сказал, что гордится своей национальностью, я ответил, что тоже горжусь; горжусь тем, что Я ЕВРЕЙ!

Следует сказать, что преодоление комплекса неполноценности, связанного с принадлежностью не к титульной национальности, – дело очень непростое и не всем, из-за существующей в обществе неприязни к «не своим», удаётся с комплексом справиться. В результате, некоторые свою национальность скрывают или меняют её на престижную.

Что же до меня, то я всегда отождествлял себя со своим народом! Другая позиция человека, чистокровно принадлежащего к какой-либо национальности, представляется мне безнравственной.

Борис ВОЛЬФОВСКИЙ,
Таганрог,
специально для газеты «Тхия»

Наши юбиляры

Чернигов

Потапенко Клара Львовна
Ключникова Лариса Борисовна
Каменогорская Лия Александровна
Семилетова Алиса Григорьевна
Даниелян Нинель Самуиловна
Каган Анатолий Александрович
Соломатова Любовь Иосифовна
Марченко Валентина Борисовна
Репкина Анисия Федоровна
Лахтионова Людмила Самойловна
Юшкова Полина Борисовна
Шевчук Михаил Аркадьевич
Михеева Лидия Васильевна

Нежин

Бурлин Виктор Михайлович
Липкович Клавдия Александровна
Парицкая Нелла Олексеевна

Прилуки

Исаева Людмила Федоровна
Карасик София Семеновна
Куликова Ирина Викторовна

Бахмач

Кирей Галина Ивановна

Борзна

Каравер Владимир Шмеркович

п. Чапаевка

Аронов Александр Викторович
Андрухан Наталия Викторовна

МАЗЛ ТОВ!

Газета выходит при финансовой поддержке Благотворительного Еврейского Фонда «Хесед Эстер» и Всеукраинского Благотворительного Фонда «Для тебя». В электронном виде газета размещается на сайте www.2U.org.ua

תּחִיָּא

Учредитель: Черниговская еврейская община
Издатель: Черниговская еврейская община
Регистрационное свидетельство: ЧГ № 150
Газета «Тхия» («Возрождение»)
Распространяется бесплатно

Редакция оставляет за собой право редактировать и сокращать текст материалов.
Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов.
Отпечатано ФОП Лозовой В.М.
Свидетельство Серия ДК № 3759 от 14 апреля 2010 г.
14000, г. Чернигов, ул. Станиславского, 40
Заказ 0010. Тираж 800 экз.

Адрес редакции:
14017, г. Чернигов,
ул. Щорса, 58.
Тел. 66-24-94
e-mail:
sem.hesed@gmail.com

Главный редактор Семён Бельман

Редакционная коллегия:
А.Брик, В.Ванжа,
Н.Ратновская, А.Чеван.